

ВЛАДИМИР ГУЗИЙ,
моторист,
Т ы н д а

Последнее звено

Вот и все. Замкнулось полотно,
и последний выложен портал.
«Золотое» светится звено.
Ты об этом десять лет мечтал.

И когда оркестры громом брызнут,
ты поймешь, что в ливнях и пыли
лучшую дорогу нашей жизни
мы с тобою вовремя нашли.

Нам бывало трудно много раз,
но теперь спокойно оглянись:
стройка обошлась бы и без нас,
нам же без нее не обойтись.

И куда судьба нас ни забросит,
в памяти останется всегда:
в утреннюю свежесть наших просек
робкие заходят поезда.

Первый поезд начал свой разбег.
Он сюда шел медленно и долго.
На щеках колючий тает снег.
Я не плачу. Это снег. И только.

Но когда оркестры громом брызнут,
я пойму, что в ливнях и пыли
лучшую дорогу нашей жизни
мы с тобою полностью прошли.

Тында

Синий сумрак плывет над Москвою,
Пахнет жженой листвой и покоем,
А еще — непонятной тоскою
И совсем уж неясно — тайгою.

«Тында» — значит «тебя отпускаю».
Есть на свете речушка такая,
А над ней — удивительный город,
Не пойму еще сам, чем он дорог.

Не пойму, почему туда тянет,
То нахлынет, то снова отпрянет
Среди шума зеленое эхо:
«Почему ты в столицу уехал?»

Затихает Арбатская площадь...
Только в Тынде просторней и проще,
Там и люди понятнее,
ближе —

Я любого в отдельности вижу
И о каждом хоть что-нибудь знаю,
Словно к тайне земной припадаю.
Звездный пояс повис над Москвою,
Пахнет жженой листвой и покоем.
Я в себе целый город таскаю —
Тында все-таки не отпускает.

Пластинка Брамса

Глухою олекминской ночью
диск черной пластинки закружит,
и будто точильщик наточит

мою огрубевшую душу.
Сырой, неуютный вагончик
и публика, в общем, простая...
Последняя скрипка закончит —
опять от начала поставят.
Парням надоели отчаянно
лихие стихи про дорогу,
купили пластинку случайную —
теперь оторваться не могут.
Мелодия эта печальная,
стекая из-под иглы,
в пару отразится над чайником,
заденет чуть-чуть топоры
и скатится в просеку свежую,
звеня по вечернему льду,
к последнему следу медвежьему,
последнему в этом году.
Стоит перспективою мгlistою
разрезанная тайга,
и плещется музыка чистая
в березовые берега.
И я уже слышу — не слышу,
прижавшись к холодной стене:
то тише, то громче, то тише
во сне и еще не во сне,
и будто бы снежные люди
стучат и стучат к нам в окно.
А утром ребята разбудят,
ругаясь, что снега полно.
Но мне этой новости мало,
скажу, фантазируя малость:
«То музыка выход искала,
наплакалась, да и осталась».

Шофер Владимир Дойков

КрАЗа мощный рев звериный,
У меня по телу дрожь —
здесь такие серпантины,
что костей не соберешь.
Только он не паникует,
он на дрожь свою плюет,
разговаривает, курит,
и дороги критикует,
и на «всю железку» жмет.
Он привык к такой работе —
когда солнце чуть встает,
завести свой КрАЗ в Моготе,
верст отмерить много сотен
и из Невера — в Могот.
Рейс за рейсом.
Рейс за рейсом.
Как челнок — назад-вперед.
Чтоб быстрее ложились рельсы,
чтобы строили умельцы
город будущий Могот.
Пусть же город,
пусть поселок,
лишь бы первый, чистый,
свой,
как ребенка из пеленок,
поднимать над мерзлотой!

